

## Глава 19

На второй день после сглаза

Его мать как-то сказала, что о многом лучше не думать и не говорить, иначе оно непременно случится.

Возможно, именно потому, что накануне вечером он втайне понадеялся, что Су Хуанью еще долго протянет в своем болезненном состоянии, на следующий день тот снова слег.

Фа Мучжи не видел этого собственными глазами — ему сообщили из соседнего научно-исследовательского института.

Экстренный контакт, который Су Хуанью предусмотрительно оставил в институте, наконец-то пригодился. Однако, когда Фа Мучжи поспешно примчался из своего кабинета, товарища он уже не застал. Ему лишь сообщили, что того увезли в больницу.

Вызывая такси и одновременно отпрашиваясь с работы, Фа Мучжи смутно ощущал, что на этот раз все серьезно. Обычно, судя по прошлому опыту, Су Хуанью мог дожидаться его приезда. То, что его так быстро госпитализировали, означало лишь одно: телохранитель Сюй Яо счел состояние подопечного требующим немедленной медицинской помощи.

К счастью, лечебное заведение было близко, и к тому же знакомое. Су Хуанью всегда попадал именно в эту клинику. Более того, если кто-то из его семьи заболел, они тоже обращались сюда — крупнейшая частная больница Чжунду, по слухам, была одним из их семейных активов.

Так и оказалось.

Когда Фа Мучжи, задыхаясь, добрался до восточного крыла первого этажа, к палате, которая была тесно связана с главным зданием, но в то же время отделена от него коридором и несколькими массивными дверями, Сюй Яо уже стоял у входа.

— Как он? — Фа Мучжи замедлил шаг, сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить дыхание, и только потом подошел к телохранителю.

— Позавчера у него поднялась небольшая температура. Врач советовал ему остаться дома, но молодой господин настоял на своем. Сегодня на работе он потерял сознание. Кома, низкая сатурация кислорода. Врачи говорят, инфекция пошла в легкие, — ровным голосом доложил Сюй Яо.

Фа Мучжи нахмурился.

Так вот почему в последние дни приятель казался ему румяным. Обычно мертвенно-бледное лицо приобрело цвет, но это был не здоровый румянец, а лихорадочный жар! А Фа Мучжи не почувствовал этого, скорее всего, потому, что Су Хуанью сбивал температуру лекарствами.

«Нужно было быть внимательнее», — с горечью упрекнул себя Фа Мучжи.

— Можно мне войти к нему? — спросил он, глядя за спину Сюй Яо.

Телохранитель не ответил, лишь молча отошел в сторону. Когда Фа Мучжи прошел внутрь и автоматические двери закрылись, Сюй Яо вернулся на свой пост.

И Фа Мучжи снова увидел Су Хуанью.

Тот, кто еще вчера за обедом одаривал его легкой улыбкой, теперь лежал безвольный на белоснежной постели. Его брови были страдальчески сведены, губы обескровлены до ужасающей бледности. В носу — кислородная канюля, в запястье — катетер капельницы. Даже пальцы не остались свободны: на каждом из них были закреплены датчики, превращавшие жизненные показатели в цифры и кривые на мониторе.

Он дышал с огромным трудом, грудь судорожно вздымалась, но казалось, что кислорода все равно не хватает. Врачи и медсестры в палате суетились, но их действия не приносили видимого облегчения. Вскоре вбежала еще одна бригада, и началась новая череда манипуляций. Появились новые аппараты и трубки, вводились новые препараты. Опутанный проводами и катетерами, высокий мужчина казался теперь хрупким и почти бесплотным.

Фа Мучжи понял: сегодня он не сможет поговорить с Су Хуанью.

Так и вышло. Су Хуанью не приходил в сознание весь день. Постоянно появлялись новые врачи, аппаратура менялась, лекарства сменяли друг друга. Фа Мучжи не был кровным родственником, поэтому ему не сообщали о состоянии больного, но по все более частым визитам докторов было ясно: пациенту не становилось лучше, а скорее всего, положение ухудшалось.

Чтобы не мешать медицинскому персоналу, Фа Мучжи встал у стены в коридоре. Сначала он мог видеть Су Хуанью через стеклянную стену палаты, но потом жалюзи с внутренней стороны опустили, и он остался в неведении.

Он потер лицо ладонями, взглянул на неподвижного Сюй Яо у двери и, помедлив, вышел на улицу. В ближайшем кафе он купил два комплексных обеда и вернулся в больницу.

Как и в любом другом уголке Чжунду, здесь росло несколько вишен-айлантов. Порыв ветра срывал с ветвей белые лепестки, и они кружились в воздухе, словно снег.

Лепестков было так много, что Фа Мучжи пришлось прикрыть лицо рукой. Когда ветер стих, он опустил руку.

Подняв голову, он увидел, что цветы на деревьях уже отцветают. Инчунь держались на ветвях так слабо, что опадали даже без ветра, не в силах больше выдерживать собственный вес.

«Сезон цветения инчунь подходит к концу», — подумал Фа Мучжи.

Не задерживаясь, он вернулся в здание с двумя контейнерами еды. Они с Сюй Яо молча пообедали у дверей палаты.

После обеда его срочно вызвали на работу. Разобравшись с делами, он вернулся, но Су Хуанью в прежней палате уже не было.

Сюй Яо тоже исчез.

Но на телефон пришло короткое сообщение: «Молодого господина забрали домой».

Этой ночью на Чжунду обрушился ливень. Температура резко упала, и дождь не прекращался до самого утра. Когда на следующий день Фа Мучжи снова пришел к этому дому через ветви, на вишнях-айлантах не осталось ни единого лепестка — ни на деревьях, ни на земле.

Великий дождь смыл все дочиста. Сезон цветения оборвался внезапно.

Следующие три дня о Су Хуанью не было никаких вестей.

Однажды уже случалось нечто подобное, но тогда они потеряли связь всего на два дня. Не выдержав, Фа Мучжи отправился к поместью Су и все-таки смог увидеться с Су Хуанью.

Но в этот раз все было иначе.

Словно инстинктивно чувствуя, что ситуация критическая, Фа Мучжи пришел к дому Су Хуанью в первый же день. Ему открыли, но внутрь не пустили, вежливо сославшись на то, что больного сейчас нельзя беспокоить. На второй день ему уже никто не открыл. Он простоял у массивных черных ворот до обеда, но они так и не отворились.

После обеда он съездил на работу, а к вечеру вернулся. Ворота были открыты: одна за другой на территорию въезжали роскошные автомобили. Но когда он подошел и попросил разрешения навестить Су Хуанью, ему отказали.

— Простите, я знаю, что вы друг молодого господина Хуанью, но в нынешней ситуации просто

друзьям вход воспрещен.

— А те, кто только что проехал... — он кивнул в сторону скрывшихся за воротами машин.

— Это дети старого господина — дяди и тети молодого господина Хуанью, — тихо пояснил охранник.

Видя, что идет дождь, он даже попросил коллегу вынести зонт и сам раскрыл его над Фа Мучжи. Но на вопросы о том, что происходит внутри и как себя чувствует Су Хуанью, собеседник отвечать наотрез отказался.

Черные ворота, словно гора, скрывали от него изысканные павильоны и пруды, вечно цветущие древние деревья и, главное, — путь к Су Хуанью.

Стоя под дождем с зонтом в руке, Фа Мучжи нахмурился еще сильнее.

<http://bllate.org/book/15988/1501356>